

испытывали грубый, почти животный страх за свою жизнь.

Что касается популярных нынче на Западе страхов перед мигрантами, то это страхи иной природы. Страх перед финансовым коллапсом — это страх перед рынком как таковым. Очень часто их объясняют так называемой ксенофобией, что является ложью. Например, швейцарское общество продемонстрировало страх перед мигрантами, но это общество в принципе не может быть ксенофобным, потому что оно состоит из трех разноязыких сообществ. Чего на самом деле боятся швейцарцы? Они боятся того, что чужаки устанавливают другие порядки, несовместимые со швейцарской демократией.

Для российского общества характерно превалирование чувства страха. В нашем обществе люди очень мало чего имеют, но безумно боятся потерять то немногое, что у них еще осталось. Такое общество не может быть революционным. Оно всегда консервативно, даже тогда, когда кажется революционным. В частности, так называемый запрос на безопасность — это, собственно говоря, запрос именно на то, чтобы, наконец, перестать бояться чего-то ужасного, а ужасного в России очень много.

Другое дело, что все те, кто предлагает защиту, как довольно часто выясняется, и были те, кого, собственно, нужно было бояться. В этом отношении наше общество переполнено не только страхом, но и недоверием. Как правило, оно боится тех, кого и призывает: а вдруг они сделают еще хуже. И эта установка «а вдруг они сделают еще хуже» — базовая для России.

Одним из главных страхов, терзающих нынешнее российское общество, можно было бы назвать страх перемен, поскольку в свое время перемены, которых все ждали и хотели, обернулись таким кошмаром, от которого до сих пор многие оправиться не могут. Проблема здесь в том, что подобного рода страх, с одной стороны, парализует и делает невозможными какие-либо позитивные перемены, а с другой — не избавляет от необходимости этих перемен.

Всем тем, кто сейчас либо боится новой перестройки, либо надеется на новую перестройку, следовало бы подумать о следующем: «Почему горбачевская перестройка не удалась?». Те, кто желает новой перестройки, должны были бы играть в перестройку, которая удалась. А те, кто выступает против нее, должны были бы дать ей внятную альтернативу. А что, собственно говоря, имеет место? Полное отсутствие действий.

Всем, в общем, понятно, что сейчас мы живем во времянке, конструкция которой не позволяет осуществлять какое-либо развитие, и менять что-то все равно придется. Но изменения должны происходить на структурном уровне. Смена персоналий, например, сама по себе решительно ничего не даст, пока останутся те правила игры, которые сейчас имеют место. ■

Специально для РЖ

МЕДВЕДЕВ И «СТРАХ ОТСТАЛОСТИ»

БОРИС МЕЖУЕВ — политолог, политический философ, заместитель генерального директора Фонда гражданских инициатив «Стратегия-2020»

Специально для РЖ

Наше общество не столько держится за счет страха, сколько, наоборот, подпитывается страхом того, что все вокруг вдруг обвалится или взорвется. Но такой страх не может долго выступать в качестве системного, ведущего к стабильности фактора. Он достаточно быстро превращается в отчаяние, а по прошествии некоторого времени — в бесстрашие, постепенно трансформирующееся из персонального бесстрашия в бесстрашие коллективное. Оно же, в свою очередь, оборачивается беспечностью, а в перспективе — беспамятством, отключением исторической памяти, того травматического опыта нации, который препятствует совершению одних и тех же ошибок.

Хорошо организованное, развитое индустриально-рыночное общество держится на страхе: будучи социальным государством, оно держится на страхе перед финансовым кризисом, а будучи демократическим государством — на страхе перед социальным катаклизмом, катастрофой фашизма и так далее. Авторитарное же государство держится исключительно на страхе перед репрессиями.

Недостаток сложившегося в России общества — отсутствие и страхов, характерных для демократий, и страхов, характеризующих авторитарные режимы. У нас никто никаких репрессий не боится. Никто не боится, что все кончится либо фашизмом, либо распадением

страны на составные части и масштабным нелегитимным насилием.

Единственным страхом, который действительно удерживал страну в течение нулевых годов (что очень положительно), был страх перед терроризмом и перед внешним окружением. Страх перед терроризмом испытывали простые люди. Элиты же боялись событий типа оранжевой революции. Их страшила судьба лидеров вроде Милошевича. Этот «внешний страх» был очень силен и, укрепляя государство, играл позитивную роль. Наряду со страхом перед нелегитимным насилием, он был основой некоторой созидательной деятельности в нулевые годы. Но этот страх перед внешним окружением в эпоху «перезагрузки» сменился чувством всеобщего благодушия. А внутренних, глубоких, самоподдерживающих страхов в наличии не оказалось. Отсюда многие проблемы социального развития.

Дмитрий Медведев попытался внушить элите, у которой страхи сейчас отсутствуют, единственный страх — страх оказаться в отсталости. Он предложил обратить внимание на то, что быть лидерами отсталой страны, и экономически, и социальными, не очень хорошо. Отсюда и импульс к модернизации. Но будет ли достаточным этот импульс? Пока нет ощущения, что государственный аппарат всерьез обеспокоен грядущей опасностью. ■